

В. Г. Белинский

**Сочинения Александра
Пушкина. Статья
вторая**

Виссарион Григорьевич Белинский

Сочинения Александра

Пушкина. Статья вторая

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2819335

Аннотация

Содержание статей о Пушкине шире их названия. Белинский в сущности, дал историю всей русской литературы до Пушкина и показал становление ее художественного реализма. Наряду с раскрытием значения творчества Пушкина Белинский дал блестящие оценки и таким крупнейшим писателям и поэтам допушкинской поры, как Державин, Карамзин, Жуковский, Батюшков. Статьи о Пушкине – до сих пор непревзойденный образец сочетания исторической и эстетической критики.

Содержание

Карамзин и его заслуги. – Карамзинский период русской литературы: Дмитриев, Крылов, Озеров, Жуковский и Батюшков. – Значение романтизма и его историческое развитие	4
Конец ознакомительного фрагмента.	20
Комментарии	

Виссарион Белинский

Сочинения Александра Пушкина. Статья вторая

Санкт-Петербург. Одиннадцать томов 1838–1841 г.

Карамзин и его заслуги. – Карамзинский период русской литературы: Дмитриев, Крылов, Озеров, Жуковский и Батюшков. – Значение романтизма и его историческое развитие

Карамзиным началась новая эпоха русской литературы. Преобразование языка отнюдь не составляет исключительного характера этой эпохи, как думают многие. Как бы ни была велика реформа, произведенная кем-нибудь или сама собою происшедшая в языке, она никогда не может быть фактом особенной важности. Язык, взятый сам по себе, есть только посредствующий материал, и его движение может

быть только формальное. Но всегда важно движение языка вследствие движения мысли: и вот где важность реформы, произведенной Карамзиным, и вот почему Карамзину принадлежит честь основания новой эпохи русской литературы. Карамзин ввел русскую литературу в сферу новых идей, — и преобразование языка было уже необходимым следствием этого дела. Загляните в журналы, в романы, в трагедии и вообще стихотворения эпохи, предшествовавшей Карамзину: вы увидите в них какую-то стоячесть мысли, книжность, педантизм и риторику, отсутствие всякой живой связи с жизнью. Карамзин первый на Руси заменил мертвый язык книги живым языком общества. До Карамзина у нас на Руси думали, что книги пишутся и печатаются для одних «ученых» и что неученому почти так же не пристало брать в руки книгу, как профессору танцевать. Оттого содержание книг, по тогдашнему мнению, должно было быть как можно более важным и дельным, то есть как можно более тяжелым и скучным, сухим и мертвым. Более всех подходил тогда к идеалу великого поэта Херасков, потому что был тяжел и скучен до невыносимости. Он воспел в двух огромных поэмах два важные события из русской истории, и воспел их, не справляясь с историею, не стараясь быть ей верным. Истории русской он даже и не знал фактически. Россия освободилась от татарского ига не каким-нибудь решительным ударом, который бы нанесен был татарам соединенными силами всей Руси, мгновенно и мощно восставшей против общего врага.

Куликовская битва осталась без решительных последствий: по крайней мере она не помешала татарам выжечь Москву; в царствование же Иоанна III не было никакой великой военной битвы с татарами, хотя и была битва, так сказать, дипломатическая. Татарское иго распалось само собою вследствие внутреннего расслабления царства Батыя.^[1] И потому русская история никого не может назвать освободителем земли русской от ига татарского. Иоанн Грозный взятием Казани и Астрахани только добил остатки издыхающего монгольского чудовища. Но Хераскову нужен был герой для его поэмы, потому что без героя не бывает поэмы. И он нашел его в Иоанне Грозном, простодушно смешав его с Иоанном III, в царствование которого была торжественно признана независимость Руси от татар. «Ученые» того времени были без ума от поэмы Хераскова; они знали ее чуть не наизусть, а теперь всякий счел бы за подвиг, если бы ему удалось осилить чтением от начала до конца это тяжелое, стопудовое произведение. Не удовольствовавшись поэмою, Херасков не хотел лишить своих читателей и романа: он написал роман «Кадм и Гармония» и «Полидор, сын Кадма и Гармонии». Но, боже мой, что ж это был за роман? Аллегорическое олицетворение гонимой и под конец торжествующей добродетели, образы без лиц, события без пространства и времени! Но потому-то это и был роман в духе своего времени, роман, который могли читать и «ученые», не унижая своего достоинства, – и потому же романы эти названы были «поэмами».

Карамзин первый на Руси начал писать повести, которые заинтересовали общество и казались пустыми и ничтожными для педантов, – повести, в которых действовали люди, изображалась жизнь сердца и страстей посреди обыкновенного повседневного быта. Конечно, в таких повестях, как «Бедная Лиза», «Наталья, боярская дочь», «Остров Борнгольм», «Рыцарь нашего времени», «Чувствительный и великодушный» и проч., никто не будет теперь искать творческого воспроизведения действительности, никто не будет читать их как художественные произведения, ради эстетического наслаждения, никто не будет ими восхищаться; но вместе с тем никто из мыслящих людей не скажет, чтоб в повестях Карамзина не было своего неотъемлемого интереса и для нашего времени – интереса исторического. Чуждые творчества, они все-таки не чужды таланта, ума, одушевления, чувства, и в них, как в зеркале, верно отражается *жизнь сердца*, как ее понимали, как она существовала для людей того времени. Что же касается до художественности, – требовать ее от повестей Карамзина было бы несправедливо и странно, сколько потому, что Карамзин не был поэтом и не обнаруживал особенных притязаний на талант поэтический, столько и потому, что в его время даже в Европе не существовало романа и повести как художественного произведения. XVIII век создал себе свой роман, в котором выразил себя в особенной, только одному ему свойственной форме: философские повести Вольтера и юмористические рассказы Свифта и Стерна –

вот истинный роман XVIII века. «Новая Элоиза» Руссо выразила собою другую сторону этого века отрицания и сомнения – сторону сердца, и потому она казалась больше пророчеством будущего, чем выражением настоящего, и многие из людей того времени (в том числе и Карамзин) видели в «Новой Элоизе» только одну сентиментальность, которою одною и восхищались. В остроумных романах француза Пиго-Лебрёна и немца Крамера веет преобладающий дух XVIII века: Но в особенном ходу и в особенном уважении у толпы были в прошлом веке романы Радклейф, Дюкре-дю-Мениля, мадам Жанли, мадам Коттэн и т. п. Надо признаться, что, по таланту, Карамзин не был ниже этих людей, и если не дальше, то и не ближе их видел. Переводом повестей Мармонтеля и некоторых повестей Жанли Карамзин оказал русскому обществу столь же важную услугу, как и своими собственными повестями. Это значило ни больше, ни меньше, как познакомить русское общество с чувствами, образом мыслей, а следовательно, и с *образом выражения* образованнейшего общества в мире. Новые идеи, естественно, требовали и нового языка. Карамзина обвиняли в *галлицизмах выражений*, не видя того, что, если это была вина с его стороны, то прежде всего его было должно обвинять в *галлицизмах мыслей*, – но в этом был виноват не он, а та всемирно-историческая роль, которая назначена миродержавным промыслом! французскому народу и которая дает ему такое нравственное влияние на все другие народы цивилизованного мира. Скорее должно

поставить в великую заслугу Карамзину его галломанство: через него ожила наша литература. Если бы Карамзин был только преобразователем языка (не будучи прежде всего нововводителем идей), он ограничился бы только отрицанием устарелых слов и выражений, большею чистотою и отделкою в форме, но склад речи, словом – слог его остался бы ломоносовским, и он не был бы создателем современного нового языка. В этом отношении язык Фонвизина резко отделяется от языка ломоносовского и близко подходит к языку карамзинскому; но тем не менее Фонвизин относится к писателям ломоносовского периода русской литературы и нисколько не может считаться преобразователем русского языка. Вот почему мы думаем, что тот не понимает Карамзина и не умеет достойно оценить его подвига, кто думает в нем видеть только преобразователя и обновителя русского языка. Это значит унижать Карамзина, а не хвалить его. Карамзин создал на Руси образованный литературный язык и создал потому, что Карамзин был первый на Руси образованный литератор, – а первым образованным литератором сделался он потому, что научился у французов мыслить и чувствовать, как следует образованному человеку. «Письма русского путешественника», в которых он так живо и увлекательно рассказал о своем знакомстве с Европою, легко и приятно познакомили с этою Европою русское общество. В этом отношении «Письма русского путешественника» – произведение великое, несмотря на всю поверхностность и всю мелкость

их содержания: ибо великое не всегда только то, что само по себе действительно велико; но иногда и то, что достигает великой цели каким бы то ни было путем и средством. Можно сказать с уверенностью, что именно своей легкости и поверхностности обязаны «Письма русского путешественника» своим великим влиянием на современную им публику: эта публика не была еще готова для интересов более важных и более глубоких. В своем «Московском журнале», а потом в «Вестнике Европы», Карамзин первый дал русской публике истинно журнальное чтение, где все соответствовало одно другому: выбор пьес – их слогу, оригинальные пьесы – переводным, современность и разнообразие интересов – умению передать их занимательно и живо и где были не только образцы легкого светского чтения, но и образцы литературной критики, и образцы умения следить за современными политическими событиями и передавать их увлекательно. Везде и во всем Карамзин является не только преобразователем, но и начинателем, творцом. Сама «История государства российского» – этот важнейший труд его, есть не что иное, как начало, первый основной камень здания исторического изучения, исторических трудов в России. «История государства российского» не есть история России: это скорее история *московского государства*, ошибочно принятого историком за какой-то высший идеал всякого государства. Слог ее не исторический: это скорее слог поэмы, писанной мерною прозою, поэмы, тип которой принадлежит XVIII ве-

ку. Тем не менее без Карамзина русские не знали бы истории своего отечества, ибо не имели бы возможности смотреть на нее критически. Как первый опыт, написанный даровитым литератором, «История государства российского» — творение великое, которого достоинство и важность никогда не уничтожатся: вытесненная историческою и философскою критикою из рода творений, удовлетворяющих потребностям современного общества, «История» Карамзина навсегда останется великим памятником в истории русской литературы вообще и в истории литературы русской истории.^[2]

Есть два рода деятелей на всяком поприще: одни своими делами творят новую эпоху, действуют на будущее; другие действуют в настоящем и для настоящего. Первые бывают не признаны, не поняты, не оценены и часто даже гонимы и ненавидимы своими современниками; их апофеоза создается в будущем, когда уже самые кости их истлеют в могиле; вторые — всегда любимцы и властелины своего времени, но, уважаемые, превознесенные и счастливые при жизни своей, они получают уже совсем не то значение после их смерти, а иногда и переживают свою славу. Без сомнения, первые выше вторых, ибо это натуры великие и гениальные, тогда как вторые — только сильно и ярко даровитые натуры. Первые, если они действуют на литературном поприще, завещают потомству творения вечные, неумирающие; вторые — пишут для своих современников, и их произведения для будущих поколений получают уже не безусловное, но только

историческое значение, как памятники известной эпохи. К числу деятелей второго разряда принадлежит Карамзин... Это мнение выговаривается не в первый раз, и не нами первыми оно выговорено; но оно возбуждало против себя живое противодействие; нельзя даже сказать, чтобы и теперь еще не было людей, которым оно крепко не по душе. Этих людей можно разделить на два разряда. К первому принадлежат еще оставшиеся доселе в живых современники Карамзина, видевшие или рассвет его славы, или помнящие апогею его славы. Застигнутые потоком нового, они, естественно, остались верны тем первым, живым впечатлениям своего лучшего возраста жизни, которые обыкновенно решают участь человека, раз навсегда заключая его в известную нравственную форму. Эти люди, живущие памятью сердца, не могут выйти из убеждения, что Карамзин был великий гений и что его творения вечны и равно свежи для настоящего и будущего, как они были для прошедшего. Это заблуждение, — но такое заблуждение, которому нельзя отказать не только в уважении, но и в участии, ибо оно выходит из памяти сердца, всегда святой и почтенной. Вполне ценя и уважая великий подвиг Карамзина, мы тем не менее хотим видеть дело в его настоящем свете и его истинных границах, не умаляя и не преувеличивая; и потому не можем читать этих стихов с восторгом людей, проникнутых сердечным верованием в непреложную истинность их мысли:

Лежит венец на мраморе могилы;
Ей молится России верный сын;
И будит в нем для дел прекрасных силы
Святое имя: Карамзин^{1{50}}.

Но в то же время мы далеки и от всякого неприязненного чувства, которое производится противоположностью убеждений и которое, естественно, могло б быть вызвано в нас этими стихами: мы не только понимаем, но и уважаем! источник этого восторга, не совсем согласного с действительностью факта. Поэт выше говорит о *лучшем времени своей жизни*:

О! в эти дни, как райское виденье,
Был, с нами *он*, теперь уж не земной,
Он, для меня живое провиденье,
Он, с юности товарищ твой.
О! как при нем все сердце разгоралось!
Как он для нас всю землю украшал!
В младенческой душе его, казалось,
Небесный ангел обитал!..

Эти стихи напоминают нами другие, еще более трогая-

¹ Стихотворения Жуковского, т. VI, стр. 30.^{50}

^{50} Послание «Ивану Ивановичу Дмитриеву». Все цитаты из произведений В. А. Жуковского Белинский приводит по четвертому изданию его стихотворений 1836 года в шести томах. В настоящей ссылке неверно указана страница: нужно 32.

щие нас:

Сыны другого поколения,
Мы в новом – прошлогодний цвет;
Живых нам чужды впечатленья,
А нашим в них сочувствий нет.
Они, что любим, разлюбили,
Страстям их – нас не волновать!
Их не было там, где мы были,
Где будут – нам уж не бывать!
Наш мир – им храм опустошенный,
Им баснословье – наша быль,
И то, что пепел нам священный,
Для них одна немая пыль.
Так мы развалинам подобны,
И на распутий живых
Стоим, как памятник надгробный
Среди обителей людских^{2{51}}.

Грустное положение! но таков закон исторического хода времени. Рано или поздно он постигает в свою очередь каждое поколение!

Увы! на жизненных браздах
Мгновенной жатвой поколения,
По тайной воле провиденья,

² Стихотворение князя Вяземского.^{51}

^{51} Цитата из стихотворения П.А. Вяземского «Старое поколение» (1841).

Восходят, зреют и падут,
Другие им вослед идут...
Так наше ветреное племя
Растет, волнуется, кипит
И к гробу праотцев теснит.
Придет, придет и наше время,
И наши внуки в добрый час
Из мира вытеснят и нас.^[3]

В этом более нежели в чем-нибудь другом открывается трагическая сторона жизни и ее ирония. Прежде физической старости и физической смерти постигает человека нравственная старость и смерть. Исключение из этого правила остается слишком! за немногими... И благо тем, которые умеют и в зиму дней своих сохранить благодатный пламень сердца, живое сочувствие ко всему великому и прекрасному бытия, – которые, с умилением вспоминая о лучшем) своем времени, не считают себя среди кипучей, движущейся жизни современной действительности какими-то заклятыми тенями прошедшего, но чувствуют себя в живой и родственной связи с настоящим и благословениями приветствуют светлую зарю будущего... Благо им, этим вечно юным старцам! не только свежее утро и знойный полдень блещут для них на небе: господь высылает им и успокоительный вечер, да отдохнут они в его кратком величии...

Как бы то ни было, но светлое торжество победы нового над старым да не омрачится никогда жестким словом или

горьким чувством враждебности против падших. Победенным – сострадание, за какую бы причину ни была проиграна ими битва! Падший в борьбе против духа времени заслуживает больше сожаления, нежели проигравший всякую другую битву. Признавший над собою победителем духа времени заслуживает больше, чем сожаления, заслуживает уважение и участие – и мы должны не только оставить его в покое оплакивать прошедших героев его времени и не возмущать насмешливою улыбкою его священной скорби, но и благоговейно остановиться перед нею.

Другое дело те слепые поклонники старых авторитетов, которые видят один факт, не понимая его идеи, стоят за имя, не зная, какое значение привязать к нему, и для которых дороги только старые имена, как для нумизматов дороги только истертые монеты. Это люди буквы, школяры и педанты. Вот они-то и составляют тот второй разряд безусловных поклонников старых авторитетов. Для них и Шекспир – титан творческой силы, и Ломоносов – также титан творческой силы; а почему? потому что оба эти имена – имена уже старые, к которым они, педанты и староверы литературные, давно уже прислушались и привыкли. По той же самой причине для них возмутительно видеть имена Карамзина и Лермонтова, поставленные рядом: справясь с литературным адрес-календарем, с литературною табелью о рангах, они видят большую разницу – не в характере деятельности, не в роде таланта Карамзина и Лермонтова, а в летах и титулах этих пи-

сателей, и говорят о последнем – «куда ему – молод больно!» Равным образом они убеждены в простоте ума и сердца, что творения Карамзина не только по форме, но и по содержанию их могут для нашего времени иметь такой же интерес, какой имели они для своего времени. Разумеется, эти педанты и буквоеды не стоят ни возражений, ни споров, и можно оставлять без ответа их задорные крики. Что бы ни говорили они, для всех мыслящих людей ясно, как день божий, что творения Карамзина могут теперь составлять только более или менее любопытный предмет изучения в истории русского языка, русской литературы, русской общественности, но уже нисколько не имеют для настоящего времени того интереса, который заставляет читать и перечитывать великих и самобытных писателей. В сочинениях Карамзина все чуждо нашему времени – и чувства, и мысли, и слог, и самый язык. Во всем этом ничего нет нашего, и все это навсегда умерло для нас.

Деятельность Карамзина была по преимуществу деятельность литератора, а не поэта, не ученого. Он создал русскую публику, которой до него не было: под «публикою» мы разумеем известный круг читателей. До Карамзина нечего было читать по-русски, потому что все немногое, написанное до него, несмотря на свои хорошие стороны, было ужасно тяжело и *торжественно* и годилось для одних «ученых», а не для общества. Карамзин умел заохотить русскую публику к чтению русских книг. Как мы заметили выше, в этом помог

ему не новый, созданный им язык, а французское направление, которому подчинился Карамзин и которого необходимым следствием был его легкий и приятный язык. В первой статье мы уже упоминали о Дмитриеве, как о сподвижнике Карамзина. Действительно, Дмитриев для стихотворного языка сделал почти то же, что Карамзин для прозаического, и сделал это таким же точно образом, как Карамзин: поэзия Дмитриева по ее духу и характеру, а следовательно, и по форме, есть чисто французская поэзия XVIII века. С Карамзиным кончился *ломоносовский* период русской литературы, период тяжелого и высокопарного книжного направления, и весь период от Карамзина до Пушкина следует называть *карамзинским*.

Но этот период имеет свои подразделения, ибо в продолжение его литература обогащалась новыми элементами и двигалась вперед. К этому периоду принадлежит Крылов, который один мог бы быть представителем целого периода литературы. Он создал национальную русскую басню и тем *первый* внес в литературу русскую элемент народности. Но как в басне великий русский баснописец имел образцом великого французского баснописца, – как в ней он был как бы продолжателем дела, начатого Хемницером и продолженного Дмитриевым, и как сверх того род его поэзии не был таким родом, через который можно было стать в главе литературной эпохи, – то Крылов по справедливости может считаться одним из блистательнейших деятелей карамзинского

периода, в то же время оставаясь самобытным творцом нового элемента русской поэзии – народности. Другое дело – Озеров: несмотря на дарование ярко замечательное, он был результатом направления, данного русской литературе Карамзиным. В трагедиях Озерова преобладающий элемент – *сентиментальность*. По форме же они – сколок с французской трагедии. Нет нужды распространяться здесь о Капнисте, Василии Пушкине, Владимире Измайлове, Крюковском, Милонове и других людях с большим или меньшим талантом, игравших большую или меньшую роль в карамзинский период: все они были созданы духом Карамзина и выразили направление, данное им русской литературе. В своем месте мы упомянем о более самостоятельных и более замечательных писателях этой эпохи, каковы: Гнедич, Мерзляков и князь Вяземский. Теперь же спешим перейти к двум знаменитостям не только этого периода, но и вообще русской литературы – Жуковскому и Батюшкову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Татарское Иго «распалось», конечно, не «само собою»... Куликовская битва «1380 года не осталась без последствий. Она явилась переломным моментом в борьбе за освобождение Руси от владычества татар. Победа Дмитрия Донского усилила и внутреннее разложение «Золотой Орды».

2.

Сравните эту оценку «Истории» Карамзина с более поздней оценкой его исторических воззрений в статье Белинского «Взгляд на русскую литературу 1846 года». Белинский, вскрывая идеологические корни славянофильства, находит их в исторической концепции Карамзина. «Известно, что в глазах Карамзина Иоанн III был выше Петра Великого, а допетровская Русь лучше России новой. Вот источник так называемого славянофильства...»

3.

«Евгений Онегин», гл. II, строфа XXXVIII; вместо «праотцев теснит» нужно «прадедов теснит».

50.

Послание «Ивану Ивановичу Дмитриеву». Все цитаты из произведений В. А. Жуковского Белинский приводит по

четвертому изданию его стихотворений 1836 года в шести томах. В настоящей ссылке неверно указана страница: нужно 32.

51.

Цитата из стихотворения П.А. Вяземского «Старое поколение» (1841).